

ИЗ ИСТОРИИ ОДНОГО ДЕТСКОГО ДОМА

© 2017

Репинецкий Александр Иванович, доктор исторических наук, профессор,
проректор по научно-исследовательской работе, профессор кафедры отечественной истории и археологии
Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Российская Федерация)

Аннотация. Статья посвящена истории детского дома № 25, организованного в 1946 г. на территории Куйбышевской области. Особенность детского дома заключалась в том, что в нём размещались дети российских эмигрантов, проживавших в Австрии. Эти дети были переданы представителям советских властей американской администрацией. По условиям соглашений между СССР, США и Великобританией, заключённых на Ялтинской конференции (1945 г.), Советскому Союзу передавались лица, имевшие советское гражданство. Дети российских эмигрантов, рождённые в Австрии, под эту категорию не попадали, но, несмотря на это, они были отправлены в Советский Союз. Местные власти не представляли, что делать с репатрированными детьми. Поэтому детский дом был открыт в отдалённой сельской местности, жилищные и материальные условия его обитателей были тяжёлыми: отсутствовала необходимая мебель, школьно-письменные принадлежности. В ещё более тяжёлом положении оказались воспитатели и сотрудники детского дома, прибывшие вместе с детьми. Некоторые из них лишились работы, а значит, и средств существования. Часть воспитанников детского дома была возвращена родителям. К сожалению, по имеющимся документам проследить дальнейшую судьбу воспитанников этого детского дома невозможно.

Ключевые слова: репатриация; Ялтинские соглашения; репатрированные граждане; детский дом; идейно-политическое воспитание; воспитатели.

Работая с материалами фонда Уполномоченного Комитета партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Куйбышевской области [1] по изучению демографической ситуации в регионе после окончания Великой Отечественной войны, автор обнаружил интересный документ «Справка о серьёзных недостатках в учебно-воспитательной работе в детском доме № 25 Куйбышевской области». Она и послужила основой для данной статьи. Документ имел гриф секретности и предназначался Секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову. Каких-либо других документов по истории данного детского дома в архивах Самарской области обнаружить не удалось. Его история хранит много неясностей, которые, возможно, будут прояснены при появлении новых документальных свидетельств.

Известно, что Куйбышевская область после окончания Великой Отечественной войны приняла 208 репатрированных детей из Германии [2, с. 77]. Это были дети, вывезенные во время Великой Отечественной войны с оккупированной территории Советского Союза. Вместе с тем из справки следовало, что в феврале 1946 г. американские оккупационные власти передали советской администрации в Германии 83 ребёнка, оказавшихся без попечения родителей, с территории Австрии. Этот факт не вызвал бы большого удивления, если бы не одно обстоятельство – все они были детьми русских эмигрантов.

Вопрос о репатриации советских граждан, оказавшихся на территории фашистской Германии после окончания Второй мировой войны, длительного времени не являлся предметом рассмотрения отечественных историков. Впервые нарушил молчание о репатриации и судьбе репатриантов известный российский историк В.Н. Земсков в 1990 г. [3]. Позднее он опубликовал и ряд других исследований, посвящённых этой проблеме [4; 5]. В настоящее время появились серьёзные научные работы по истории репатриации советских граждан после окончания Великой Отечественной войны [6–10]. В современной отечественной историографии общая ситуация с политикой репатриации, проводимой советским правительством, достаточно хорошо изучена.

В 1944 г. было создано Управление уполномоченного Совета Народных Комиссаров СССР по делам репатриации граждан СССР из Германии и оккупированных ею стран. Его возглавил генерал-полковник Ф.И. Голиков. Вопросы о репатриации советских граждан были решены на Ялтинской конференции (февраль 1945 г.). В ходе работы конференции были заключены двухсторонние советско-американские и советско-английские соглашения о взаимной репатриации советских, американских и английских граждан. В июне 1945 г. подобное соглашение было заключено с Францией. Соглашения предусматривали принцип обязательной репатриации граждан этих стран независимо от их желания.

Необходимо отметить, что Ялтинские соглашения предусматривали обязательную репатриацию только для советских граждан. Все прочие лица российского происхождения репатриации не подлежали. Обратим на это обстоятельство особое внимание.

Репатрианты с территории Советского Союза делились на две категории: «восточников» и «западников». К последним относились жители территорий, вошедших в состав СССР после 1 сентября 1939 г. Если «восточники» подлежали обязательной репатриации, то на «западников» обязательная репатриация не распространялась, и советским властям передавались только те из них, кто выразил желание вернуться в СССР. В подавляющем своём большинстве «восточники» стремились всеми путями вернуться на Родину, тем более что уголовная ответственность за попадание живыми в плен была отменена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 июля 1945 г. «Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией» [11].

Две категории бывших советских граждан советское правительство освободило от репатриации – это жители Правобережной Молдавии и Северной Буковины, оформившие гражданство Румынии, и женщины, вышедшие замуж за иностранцев и родившие детей в этом браке. Эти женщины также могли вернуться в СССР со своими детьми, но без мужа

иностранца. Бывшие гражданки Советского Союза, имевшие мужей-иностранцев, но не имевшие детей, подлежали обязательной репатриации, их брак аннулировался.

Управление уполномоченного Совета Народных Комиссаров СССР по делам репатриации граждан СССР попыталось установить численность лиц, оказавшихся за пределами СССР в период Великой Отечественной войны. Было названо число приблизительно 6,8 млн. человек, из них, по данным ведомства Ф.И. Голикова, в живых осталось около 5 млн. советских граждан [12, с. 45]. Среди этой многочисленной категории была небольшая группа советских граждан, репатриация которых оказалась особенно острой и болезненной. Эта проблема касалась репатриации детей, не имевших родителей.

В годы войны оккупанты вывезли с территории Советского Союза ряд детских домов с малолетними детьми. К концу войны большинство из них забыли русский язык, говорили только по-немецки и считали себя немцами. Часть этих детей, особенно арийской внешности – голубоглазые и белокурые, были усыновлены немецкими семьями. Своих настоящих родителей они не помнили. Союзники категорически отказывались репатриировать таких детей. Однако представители советской администрации требовали их безусловной выдачи. Эта настойчивость приводила к определённым результатам – детей из детских домов, как правило, репатриировать удавалось, а вот усыновлённых малышей администрация союзников выдавать отказалась. По официальной статистике с территории Германии и оккупированных ею стран было возвращено 705676 детей, в том числе 22824 сирот [12, с. 148].

Данная проблема оказалась весьма острой и чувствительной для власти. Об этом свидетельствует и тот факт, что в 1950 г. на экраны страны вышел фильм режиссёров А. Файнцимера и В. Легошина «У них есть Родина». Сценарий фильма был написан С. Михалковым, в основу его автор положил свою пьесу «Я хочу домой». В фильме рассказывалось о борьбе двух советских офицеров за возвращение советских детей из детского дома, оказавшегося в английской зоне оккупации. Несмотря на противодействие и коварство наших бывших союзников, дети были возвращены на Родину. В фильме снимались звёзды советского театра и кино – П. Кадочников, В. Марецкая, П. Санаев, Л. Смирнова, Ф. Раневская, М. Астангов и другие. Фильм пользовался большим успехом у зрителей. Его посмотрели 23 млн. советских граждан, а в 1951 г. фильм получил высшую награду страны – Сталинскую премию, что говорит не только о его художественных достоинствах, но и идеологически правильной позиции.

Ещё раз подчеркнём: официальные документы свидетельствуют, что репатриации подлежали дети, вывезенные во время войны с территории Советского Союза. Это было вполне закономерно и происходило в рамках решений Ялтинской конференции. Что касается детского дома, к которому проявлял такой интерес уполномоченный Комитета партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Куйбышевской области, – в нём воспитывались дети русских эмигрантов, проживающих на территории Австрии. В западной историографии отмечается факт насильственной выда-

чи союзниками перемещённых лиц [12, с. 148], наиболее известный из них – выдача англичанами советской администрации казачьей армии генерала Краснова, в основном состоящей из белогвардейцев. В нашем случае содержание документа не позволяет установить место и время передачи детдомовцев советским властям. Единственно, что можно утверждать с уверенностью, что детский дом вывезен с территории Австрии.

В докладной записке отсутствуют и поимённые списки обитателей этого детского дома, что не позволяет точно определить возраст привезённых детей. По косвенным данным можно установить, что дети находились в школьном возрасте – младшие были учениками начальной школы, а старшие учились в выпускных классах. Вместе с детьми на территории Советского Союза оказался и обслуживающий персонал, отказавшийся покинуть детей и последовавший за ними. Таких насчитывалось 15 человек [1, л. 149].

Репатриированные дети и обслуживающий персонал были отправлены в село Кузькино Ново-Девичевского района Куйбышевской (ныне Самарская) области. Село Кузькино, одно из старейших сёл региона, находилось на правом берегу Волги, ничем не выделялось среди соседних сёл, разве что церковью Космы и Дамиана, построенной в конце XVIII в. Естественно, выбор села диктовался не этим обстоятельством. Можно предположить, что на выбор именно этого села повлияли два фактора: с одной стороны, оно было удалено от городских поселений, не имело постоянной связи с другими населёнными пунктами, что позволяло не допустить широкой огласки об этом детском доме и его обитателях, а с другой – в селе имела общеобразовательная школа, в которой могли обучаться воспитанники детского дома.

При выборе места размещения детского дома власти совершенно не учли то обстоятельство, что до 1946 г. детского дома в селе не существовало, а следовательно, отсутствовало и пригодное для размещения детей помещение. Под детский дом приспособили обычный пятистенный сельский дом (дом, состоящий из двух комнат, кухни и сеней) с пристроен, который совершенно не подходил для этих целей. Первоначально в доме разместились 98 взрослых и детей, что привело к большой скученности.

В августе 1946 г. произошло событие, взволновавшее всех питомцев детского дома. У 37 воспитанников нашлись родители. Все они имели австрийское гражданство. Дети были переданы представителям австрийских властей [1, л. 524]. В документах нет никаких подробностей по поводу данного факта, кроме констатации о благополучной передаче детей представителям австрийского правительства. Сам факт возвращения детей в семьи свидетельствует, что власти Австрии были осведомлены о данном детском доме и его местонахождении либо сведения о нём имелись у международных гуманитарных организаций. Дети передавались родителям – детям беженцев. Можно предположить, что этот акт гуманизма произошёл в ответ на официальную просьбу австрийского правительства, с которым сложились дружественные отношения, тем более что в его состав в это время входили представители Коммунистической партии Австрии.

В то же время в документе отмечено, что уполномоченный Совета Министров СССР по делам репатриации в сентябре 1946 г. предупредил руководителя Куйбышевского областного отдела народного образования (облоно) о том, что практика передачи воспитанников детского дома родителям, если они найдутся и будут требовать возвращения своих детей, будет продолжена [1, л. 524]. Чётких инструкций по содержанию этих детей областные руководители органов народного образования не получили, и что делать с этими детьми – не представляли. С одной стороны, размещение детского дома в отдалённом районе свидетельствовало о том, что государство не собиралось возвращать детей, с другой стороны, передача детей родителям-эмигрантам и предупреждение о возможном повторении этой операции породили в головах чиновников полное непонимание ситуации.

О растерянности чиновников свидетельствует тот факт, что руководство Куйбышевского облоно не нашло ничего лучшего, как издать приказ о запрете создания кружков для детдомовцев. Под запрет попал даже кружок вышивания [1, л. 523]. Это позиция находилась в полном противоречии с практикой, проводимой органами народного образования страны и области по организации воспитательной работы в детских домах. Несмотря на тяжёлое материальное положение в стране, условия жизни детдомовцев постоянно улучшались, совершенствовались и методы воспитательной работы [2, с. 90–91].

Заброшенные в отдалённую деревню, оказавшиеся в стеснённых жилищных условиях, лишённые возможности иметь какие-либо занятия помимо учёбы, детдомовцы высказывали недовольство своим положением. В основном претензии носили как общий характер – дети не понимали, почему их вывезли из Австрии, так и конкретный – связанный с организацией жизни в детдоме. Эти настроения беспокоили и руководство местной школы, что вызвало визит уполномоченного Комитета партийного контроля в детский дом. Проверка, проведённая уполномоченным, подтвердила негативное настроение детей. Причиной этого было названо отсутствие воспитательной работы «по формированию качеств советских детей, патриотов своей страны» [1, л. 524]. Особо поразило уполномоченного другое. С огромным возмущением он пишет: «...Хуже того, ни в одной палате нет портретов вождей нашей партии и советского правительства» [1, л. 523].

Руководители областного образования не только проигнорировали организацию воспитательной работы, но и устранились от организации нормальной повседневной жизни воспитанников детского дома. Со страниц докладной записки предстаёт удручающая картина жизни детдомовцев. В детском доме не было тетрадей, ручек и других письменных принадлежностей. Для учащихся 1–4 классов не хватало столов и стульев, отсутствовали какие-либо игрушки. Скученность размещения детей не позволяла создать удовлетворительные условия для учебных занятий. В комнатах отсутствовали столы, дети занимались, сидя на кроватях, писали на коленях и подушках [1, л. 524].

Особенно поразила проверяющего столовая, где питались дети. Она находилась в жутком антисани-

тарном состоянии, и, по мнению автора докладной записки, полы в ней никогда не мылись, стены, столы и скамейки покрыты большим слоем пыли. Возмущение вызвало и качество питания, которое было очень низким и однообразным: дети питались исключительно супом и кашей [1, л. 524]. Как выяснил уполномоченный, причина удручающего питания детей была не столько в отсутствии продуктов, сколько в недобросовестности обслуживающего персонала. Пользуясь бесконтрольностью со стороны местных властей и областных чиновников, за счёт детей кормилась целая группа местного населения. Штаты детского дома были раздуты – небольшой детский коллектив обслуживали 26 человек, то есть на одного работника приходилось чуть более одного ребёнка [1, л. 524]. Такого положения не было ни в одном детском доме области. При этом обслуживающий персонал не проявлял желания помочь детям, оказавшимся без родителей в совершенно незнакомой обстановке. Возможно, на подобное поведение накладывались и идеологические стереотипы: для сельских жителей это были дети «беляков» и «контриков».

Необходимо отметить ещё одно обстоятельство. Все дети, независимо от возраста, прекрасно говорили на русском языке, и с этим у воспитателей и учителей никаких проблем не было. Этот факт наглядно свидетельствует о системе воспитания в семьях русских эмигрантов.

Крайне тяжело складывалась судьба взрослых, приехавших вместе с детьми. Из содержания докладной записки можно понять, что эти люди последовали за детьми добровольно. Они не смогли оставить своих подопечных в трудной ситуации. Как уже упоминалось, в Советский Союз приехали 15 человек – воспитатели и обслуживающий персонал, в основном это были люди немолодые, эмигрировавшие из страны после поражения белого движения. Местные власти смотрели на них крайне подозрительно, видя в них чуждых элементов и даже настоящих врагов Советской власти. По мнению представителей власти, они могли оказать на воспитанников только вредное идеологическое влияние. Поэтому первое, что предприняли местные власти, естественно заручившись поддержкой областных властей: они отстранили большую часть приезжих от детей, лишив их работы в детском доме. Потеря этой работы означала верную гибель: уволенные снимались с продовольственного довольствия, а устроиться в селе на другую работу было крайне затруднительно.

Из 15 взрослых сотрудников в детском доме были оставлены работать 5 человек (4 воспитателя и врач), 4 человека смогли найти работу в селе, а 6 человек оказались лишены государственного довольствия, то есть без каких-либо средств к существованию. Фактически эти люди были обречены на голодную смерть. Это осознавали и представители местной власти, но они не понимали, что надо делать в этой ситуации; нарушить инструкции и дать продовольственные карточки «белогвардейцам» они не могли. Об этом они откровенно говорили проверяющему [1, л. 523].

Примечательна судьба воспитательницы детского дома Марии Алексеевны Неклюдовой. М.А. Неклюдова происходила из старинного и знатного дворян-

ского рода. Основная земельная собственность Неклюдовых находилась на территории Саратовской губернии. Род Неклюдовых имел поместья и на территории Самарской губернии [13] (ныне село Неклюдово Клявлинского района Самарской области). Принадлежала ли М.А. Неклюдова к самарской ветви рода, установить не удалось.

Всю свою жизнь она посвятила детям, и революцию встретила, занимая высокую должность директора Петербургского Института благородных девиц имени императрицы Марии Фёдоровны. После установления Советской власти институт переехал в Харьков, а затем эмигрировал за границу. Все эти годы М.А. Неклюдова работала с детьми. Не бросила она их в трудный момент, когда дети были вывезены в Советскую Россию. Воспитанники любили свою воспитательницу, называя её «графиней» [1, л. 521].

На своей Родине её воспринимали только как «белоэмигрантку», оказывавшую негативное влияние на детей. Поэтому М.А. Неклюдова одной из первых была уволена из детского дома, снята с довольствия и оказалась без средств к существованию. Пожилой женщине, а в 1946 г. ей исполнилось 79 лет [14], найти работу в селе было невозможно. Но дети не бросили свою воспитательницу. Они стали носить ей еду, отрывая её от своих скудных пайков. Уполномоченный ЦК партии написал и их рассуждения на эту тему: «Наша графиня скоро умрёт от голодовки (так в тексте – прим. автора), ей советская власть не даёт кушать» [1, л. 521]. Поэтому дети считали своим долгом не допустить этого. Испытания и полуголодное существование подорвали здоровье этой самоотверженной женщины, и в 1948 г. она умерла. Похоронена М.А. Неклюдова была на местном кладбище. И очень интересно, что в электронной Интернет-энциклопедии автор статьи о селе Кузькино счёл нужным указать, что единственно известной личностью, связанной с данным селом, является М.А. Неклюдова [14].

Но и тем пяти воспитателям, которым разрешили продолжить работать в детском доме, было неудобно. Местные власти собирали на них досье, и они в любой момент могли лишиться своего места. Всем им вменялось в вину то, что они эмигрировали в годы гражданской войны за границу.

К сожалению, состояние документальной базы не даёт возможность проследить судьбу воспитанников детского дома № 25. Неизвестно, дошла ли докладная записка до адресата, а если дошла, то была ли реакция властей. Можно предположить, что дети, чьи родители не нашлись в Австрии, как и другие выпускники детдомов, после окончания школы поступили в учебные заведения страны, пошли на про-

изводство, службу в армию. Поиски документов по истории детского дома и его воспитанников продолжаются, и автор надеется, что в архивах будут найдены новые документы о детском доме и судьбе его воспитанников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 1870. Оп. 1. Д. 7.
2. Рокутова О.А. Военное и послевоенное детство. Опыт социальной защиты в 1941–1950 гг.: монография. Самара: Изд-во Ас Гард, 2013. 235 с.
3. Земсков В.Н. К вопросу о репатриации советских граждан. 1944–1951 годы // История СССР. 1990. № 4. С. 26–41.
4. Земсков В.Н. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944–1956 гг.) // Социологические исследования 1995. № 5. С. 3–13.
5. Земсков В.Н. Репатриация перемещённых советских граждан // Война и общество. Кн. 2. М., 2004.
6. Полян П.М. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем Рейхе и их репатриация. М.: Ваш выбор, 1996. 442 с.
7. Полян П.М. Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на Родине. 2-е изд., перераб. и доп. М.: РОССПЭН, 2002. 896 с.
8. Шевяков А.А. «Тайны» послевоенной репатриации // Социологические исследования. 1993. № 8. С. 3–12.
9. Шевяков А.А. Репатриация советского мирного населения и военнопленных, оказавшихся в оккупационных зонах государств антигитлеровской коалиции // Население России в 1920–1950-е годы: Численность, потери, миграции: сб. науч. тр. М.: Ин-т рос. истории РАН, 1994. С. 195–222.
10. Арзамаскин Ю.Н. Заложники второй мировой войны: Репатриация советских граждан в 1944–1953 гг. М., 2001. 144 с.
11. Правда, 1945. 8 июля.
12. Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 2. 1940–1959 гг. М., 2001. С. 145.
13. Список владельцев помещичьих имений в 100 душ и выше в Самарской губернии [Электронный ресурс] // Приложение к трудам редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости – <http://goldarms.narod.ru/samara.htm>.
14. Кузькино (Самарская область) [Электронный ресурс] // <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/992777>.

HISTORY OF A CHILDREN'S HOME

© 2017

Repinetskiy Alexander Ivanovich, doctor of historical sciences, professor,
vice rector for research work, professor of Domestic History and Archeology Department
Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation)

Abstract. The paper is devoted to history of children's home 25 established in 1946 on the territory of the Kuibyshev Region. Children of Russian emigrants living in Austria were accommodated there. These children were transferred to representatives of the Soviet authorities by the American administration. Under the terms of the agreements between the USSR, the USA and Great Britain signed at the Yalta conference (1945) people with the Soviet nationality were transferred to the Soviet Union. Children of Russian emigrants born in Austria didn't belong to this category

but despite it they were transferred to the Soviet Union. Local authorities didn't know what to do with repatriated children. That is why the children's home was established in a remote rural area; life and material conditions of its inhabitants were heavy: there was no necessary furniture or school supplies. Its tutors and staff were in a more difficult situation. Some of them lost their jobs. Some children were returned to parents. Unfortunately, available documents do not allow tracking the future of the children from this children's home.

Keywords: repatriation; Yalta agreements; repatriated citizens; orphanage; ideological and political education; tutors.

УДК 94(47).084.9

ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ (ЛАЗАРЕВСКИЙ ИНСТИТУТ) В ТРУДАХ СОВЕТСКОГО ИСТОРИКА И ВОСТОКОВЕДА А.П. БАЗИЯНЦА

© 2017

Аветисян Владимир Рудольфович, аспирант кафедры культурологии и искусств
Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь, Российская Федерация)

Аннотация. Автором статьи рассматривается вклад советского историка-востоковеда Ашота Патвакановича Базиянца в изучении деятельности Лазаревского института восточных языков. В советский период данная тема неоднократно уже затрагивалась историками. Однако исследования образовательного учреждения осуществлялись ими исключительно с определенных сторон: финансово-хозяйственной, педагогической, воспитательной и др. Первым в историографии, комплексно изучившим данную тему, был А.П. Базиянец. Результатом его деятельности стало написание ряда работ, основанных на изучении значительного пласта материалов из государственных архивов СССР. В своих трудах он одним из первых анализирует проблемы российско-армянских взаимоотношений на примере образовательного учреждения в контексте сближения русской и армянской культур, приобщения армянской молодежи к передовой европейской культуре и адаптации к российскому обществу. Данную тему историк затрагивает во всех своих ключевых трудах. В дальнейшем все последующие исследования деятельности Лазаревского института восточных языков были основаны на результатах научных трудов А.П. Базиянца. А опыт учебного заведения в процессах адаптации мигрантов в российское общество, раскрытый в его трудах, на современном этапе приобретает особую актуальность.

Ключевые слова: А.П. Базиянец; Москва; Армянское московское училище; Лазаревский институт восточных языков; советская историография; семья Лазаревых; высшее образование; русско-армянские взаимоотношения; В.А. Гордлевский; востоковедение; тюркология; периодизация института.

Институт восточных языков (Лазаревский институт) был учрежден Иоакимом Лазаревичем Лазаревым в 1815 г. в Москве и стал одним из лучших учебных заведений города. Созданный для обучения армянских детей и дальнейшей интеграции их в российское общество, Лазаревский институт стал учебным заведением, сыгравшим значительную роль в деле сближения двух народов, в развитии и укреплении российско-армянских культурных ценностей на протяжении XIX – начала XX в. Начав свою деятельность как частное Армянское московское училище и пройдя несколько этапов в своем развитии вплоть до государственного образовательного учреждения, институт приобрел статус научного центра востоковедения.

Его выпускники внесли существенный вклад в российское просвещение, литературу, науку и искусство. Среди них были: основатель московской арабистической школы Х.К. Баранов, востоковед и тюрколог В.А. Гордлевский, историк и востоковед В.К. Трутовский, поэт и переводчик Ю.А. Веселовский, режиссеры К.С. Станиславский и Р.Н. Симонов, братья Симанские, один из которых впоследствии стал Патриархом всея Руси Алексием I (1945–1970), и др.

На современном этапе деятельность Лазаревского института получила оценку на самом высоком государственном уровне. Так, президент России В.В. Путин в своем обращении к участникам III Международного форума выпускников МГИМО, посвящен-

ного 200-летию образования института в 2015 г. отмечал, что «...Лазаревский институт восточных языков – предшественник МГИМО, стал символом научных, культурных, интеллектуальных и духовных связей России и Армении» [1].

Историю учебного заведения впервые описал еще в годы деятельности института профессор А.З. Зиновьев [2], но наиболее активно ее освещали в своих трудах такие советские исследователи, как М. Нерсесян [3], Ж.А. Ананян, З.Т. Григорян [4], В.А. Дилоян [5], А.С. Игнатян [6], А.Р. Иоаннисян и др., в этот период существенный вклад в изучение Лазаревского института восточных языков внес историк-востоковед старший сотрудник Института востоковедения РАН Ашот Патваканович Базиянец (1919–1998). Вместе с тем, на сегодняшний день в историографии мало сведений и о деятельности самого исследователя. Его исследования базировались на основе комплексного анализа письменных и вещественных источников, нормативно-правовых актов, мемуаров и воспоминаний очевидцев и деятелей Лазаревского института восточных языков.

Начиная с 1950-х гг. А.П. Базиянец создал ряд трудов по истории изучения востоковедения, истории Закавказья в дореволюционный и советский периоды [7–10]. В 1959 г. была опубликована работа А.П. Базиянца «Лазаревский институт восточных языков» [11], в которой автор, опираясь на ранее изданные работы и архивные материалы, описывал историю образовательного учреждения. Труд представлял собой исторический очерк.